

А. Б. Ларин**«В союзе с рабоче-крестьянскими массами России персидский земледелец завоюет себе лучшее будущее»: рецепция идей российской цивилизаторской миссии в Персии в раннесоветской публицистике**

Статья посвящена вопросам становления раннесоветского дискурса в отношении стран Востока и политики большевиков в регионе, прежде всего — в Иране. Основным материалом для анализа послужили публицистические сочинения советских авторов, так или иначе затрагивающие проблематику. Показано, что, несмотря на постулируемый разрыв с предшествующей интеллектуальной традицией, кардинально отличающуюся политическую практику большевиков в выстраивании двусторонних отношений с Персией, новые предлагаемые дискурсы не были свободны от влияния более ранних идей. Так, в формулируемых большевиками политических концепциях в преломленном виде можно увидеть влияние прежних ориенталистских построений, основанных на представлении об иерархии народов и государств, их неравенстве.

Ключевые слова: Иран, Российская империя, модернизация, ориентализм, цивилизаторская миссия, Советы, большевики.

Введение

С момента публикации известной работы Э. В. Саида «Ориентализм» [32] в мире и в России проделан большой путь по исследованию данного феномена (впрочем, не менее серьезной была и критика самой концепции) [14; 15]. Так или иначе, были заложены основания для обширной научной дискуссии, в рамках которой ориентализм как стиль мышления, культурная парадигма, подход к политике и т.д. исследовался на различном конкретно-историческом материале в разных географических, хронологических и проблемных рамках. Существенное внимание в том числе было уделено и российскому ориентализму, его специфике и особенностям [21; 24; 27; 29; 30; 33; 34]. Основное внимание при этом уделялось периоду Российской империи, уже в силу того, что она позиционировала себя в качестве европейской державы, а ее интеллектуальная традиция формировалась в русле общеевропейских трендов.

Представляется важным проследить, как происходила трансформация базовых дискурсивных установок применительно к политике в странах так называемого Востока, прежде всего в Иране как одном из ключевых государств региона, после установления власти большевиков. Значительный пласт политической публицистики, изданной на рубеже 1910-х — 1920-х гг. и посвященной Ирану и российской/советской политике в этом государстве, дает хороший материал для анализа, поскольку позволяет увидеть, как шло формирование нового идейного комплекса, политической риторики новой власти. В числе рассматриваемых публикаций и отдельные издания, и материалы, напечатанные в периодике, прежде всего в журнале «Новый Восток», авторами которых стали советские публицисты, международники-востоковеды, деятели революционного движения. А компаративный подход, сравнение заявленных в этих работах тезисов с базовыми постулатами текстов предыдущей эпохи позволит оценить влияние последней на формирующийся новый дискурс и его особенности.

Результаты исследования

Захват власти в Петрограде в конце октября 1917 г. большевиками ознаменовался радикальным изменением политического курса в стране. Новые самопровозглашенные правители немедленно обнародовали принципы и основания собственной внутренней и внешней политики, проистекавшие из их леворадикальных идей. Среди прочего их

© Ларин А. Б., 2022

программа подразумевала кардинальный пересмотр политики в национальном вопросе и принципов выстраивания международных отношений, в частности с так называемыми народами Востока. Ряд принципиальных положений вошел уже в декрет «О мире» от 26 октября (8 ноября) 1917 г. [6], в последующих документах они получили свое развитие. Базовые идеи новой власти в отношении национальной политики внутри страны были изложены в «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г. и включили следующие основные тезисы: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [5].

Эти же политические принципы были распространены и на область внешней политики, где также провозглашались начала равноправия и справедливости в международных отношениях, признание суверенного равенства наций, освобождение от угнетения и, соответственно, отказ от всех так называемых неравноправных договоров, заключенных с «угнетенными» и «колониальными» нациями прежними властями. Данные идеи нашли свое выражение в воззвании «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» [13]. В частности, применительно к Персии этот документ содержал следующие положения, заложившие основу политики большевиков в этой стране: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы».

Хорошо известно, что вслед за этими заявлениями последовали конкретные практические действия, направленные на их реализацию. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в течение нескольких месяцев началась эвакуация российских войск из страны, русско-британский договор 1907 г. был формально аннулирован, а Советы стали искать возможности выстроить с Тегераном дипломатические отношения, основанные на новых принципах, в непростых условиях гражданской войны и усиления позиций Британии в Иране. Летом 1919 г. в ноте Л. М. Карахана с изложением основ советской политики в отношении Персии были объявлены аннулированными все долги Персии перед Россией, все полученные последней концессии, Учетно-Ссудный банк со всем имуществом, равно как и имущество других российских учреждений возвращались «персидскому народу», отменялась консульская юрисдикция, Каспийское море объявлялось свободным для судов под персидским флагом и т.д. «Персия для Советской России — это не колония, не “сфера влияния”, как для царской России, Персия — равноправный член международной семьи народов; отношения Советской России с Персией должны строиться на началах взаимного уважения к их суверенитету» [18, с. 166]. Кульминацией этой политики стало подписание советско-персидского договора от 26 февраля 1921 г., в котором вышеперечисленные и многие другие положения были официально закреплены [8].

Таким образом, большевистское руководство как на дискурсивном уровне, так и на уровне практической политики отходило от предшествующей традиции российского государства во взаимодействии с «неевропейскими» нациями. Эти подходы во многом базировались на ориенталистских [32] представлениях, включающих противопоставление «Запада» и «Востока», «европейцев» и «азиатов», а также идею «цивилизационной миссии» Европы в отношении неевропейских обществ. Все это подразумевало неравенство народов, сообществ и рас, их иерархию и логически из этого вытекающую необходимость руководства и опеки над «низшими», «отсталыми», что нашло свое поэтическое выражение в киплингговском стихотворении «Бремя белых».

Подобного рода представления были широко распространены во всех великих державах Европы, и Российская империя, разумеется, не была исключением. У российского ориентализма были свои особенности, своя выраженная специфика [14; 15; 21; 24; 27; 29; 33; 34], однако определенные базовые установки сохранялись и здесь. В последние десятилетия исследователями проведена серьезная работа по изучению рецепции идеи «цивилизаторской миссии» в России, анализу того, как этот концепт влиял на политические и административные практики империи в регионах с «инородческим» населением¹. Так или иначе, эти разделяемые имперскими чиновниками представления предполагали вовлечение неевропейских народов в европейское (в данном случае — русское) культурное пространство, приобщение их к достижениям европейской цивилизации как более высокой и развитой по сравнению с их собственными.

Как было показано выше, обозначив базовые принципы своей политики в этом вопросе, большевики продемонстрировали радикальный разрыв с описанными представлениями предшествующей эпохи. Формирующийся новый дискурс постулировал равенство этносов/наций и государств, право наций на самоопределение — тезисы, следующие из принципиального положения всех левых идеологий о равенстве людей². Значительно меняется сам язык обсуждения соответствующих вопросов. Те формулировки, обороты, понятия, стиль изложения, что до краха Империи находились на периферии общественно-политических обсуждений, в маргинальной части дискурса, становятся господствующим языком, языком власти, доминирующим в публичном пространстве (при определенном различии позиций разных авторов, свойственном сравнительно «свободному» периоду 1920-х гг.). Так, ключевая оппозиция предыдущей эпохи — «европейцы — азиаты» — несколько отходит на задний план, сменяясь новой парой противоположностей — «империалисты — эксплуатируемые/угнетенные/порабощенные». Одновременно она сама по себе несколько переосмысливается, наполняется новым содержанием, существенно отличающимся от той совокупности смыслов, что был для нее характерен ранее.

Весьма любопытным образом происходит инверсия самоидентификации. Если российские авторы имперского периода однозначно ассоциируют себя с «европейцами», а Россию — с Европой и, говоря об азиатских странах, скажем о Персии, смотрят на местные реалии глазами европейца, то в текстах раннесоветских публицистов обнаруживается иная картина. Здесь как из контекста, так и непосредственно из текста видно отождествление Советской России не с великими европейскими державами («империалистическими хищниками»), а со странами и народами Востока. Так, небезызвестный Г. В. Чичерин, рассуждая о характере «капиталистического империализма царской России» в Азии, утверждал, что «в действительности само положение России лишь количественно отличало ее от положения азиатских государств по отношению к передовым капиталистическим странам. Искусственно насаждаемый русский капиталистический империализм был в значительной степени вывеской для просачивания и для просовывания щупальцев западноевропейского капитала». Соответствующим образом трактовалось и место русского народа в истории: «По существу русский народ был одним из

¹ Важные публикации, касающиеся цивилизаторской миссии России, политики на имперских окраинах, отношения к неевропейскому населению и т.п., содержатся в издании: Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917) [30].

² Конечно, идея права наций на самоопределение витала в воздухе: достаточно вспомнить тезисы В. Вильсона, изложенные в небезызвестных 14 пунктах. Однако большевики трактовали ее наиболее радикальным образом. Парадоксальным образом представители течения, исходившего из принципа «интернационализма» и неизбежного отмирания национальных государств в будущем, в своей политической практике приложили недюжинные (и успешные) усилия по территориализации и мобилизации этничности на подконтрольной территории [10; 11, с. 204—219].

народов, эксплуатируемых передовыми капиталистическими странами, каковыми в еще большей степени являются азиатские народы. По своему экономическому положению русский народ был, если можно так выразиться, первым из азиатских народов и наиболее могучим объектом европейской эксплуатации» [2]. Леворадикальный публицист В. И. Ленин в своей работе «О праве наций на самоопределение» писал следующее: «В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего “востока”» [9, с. 269]. Нетрудно увидеть, среди каких государств расположил он Россию¹. Таким образом, наблюдается идеологический разворот, своего рода смещение из Европы в Азию, вызванное как идейно-политическими установками большевизма как такового, так и стремлением дистанцироваться от предшествующей власти, противопоставить себя ей. И если последняя позиционировала себя в качестве носительницы европейской идеи, европейской цивилизационной миссии, то для новых властей более органичным оказалось занять место неевропейских народов, народов «угнетенных» и «эксплуатируемых».

Итак, советская власть взяла на вооружение так называемый антиколониальный дискурс, который обретет широкое распространение в мире уже во второй половине XX века как в связи с распадом колониальных империй и развитием национально-освободительного движения в странах «третьего мира», так и в связи с деятельностью интеллектуалов, таких как Э. В. Саид, что сформулировал концепцию ориентализма и дал интеллектуальный импульс развитию постколониальных исследований². Предложенная идеологическая схема была призвана легитимизировать власть большевиков внутри бывшей Российской империи, предложить новые основания для властвования взамен ушедшей в прошлое традиционной монархии (или несостоявшегося проекта республики). Одновременно она определенным образом обосновывала и место нового государства на международной арене, предлагала новую схему восприятия международных отношений.

Действительно, идея «пролетарского интернационализма» вкупе с антиколониальным посылом советской риторики должна была, с точки зрения большевиков, придать обаяния их внешнеполитическим акциям в колониальных и зависимых странах, в которых идущие процессы модернизации, урбанизации, формирования городской буржуазии вели к тому, что эти новые социально активные слои населения все больше тяготились вмешательством иностранных держав во внутренние дела их стран. Прагматика Москвы состояла в стремлении привлечь на свою сторону эти общественные силы, заявив себя в качестве столь же страдающей от мирового империализма стороны и одновременно предложив альтернативный путь исторического развития, путь, предполагавший сочетание модернизации и борьбы за национальную независимость. «Советская Россия страшна и грозна Франции и Англии как освободившаяся от иностранного гнета колония, которая не только примером своим зовет поработенный Восток к борьбе за свободу, но и оказывает реальную помощь поработенным и угнетенным народам в борьбе против хищнического международного капитала» [16, с. 12]. В условиях завершения Первой мировой войны, создания мандатной системы, сохранения колониальных амбиций дер-

¹ Характерно, что в уже цитированной выше работе («Персия в борьбе за независимость») эта цитата дана в следующей форме: «...вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего Востока». И если в собрании сочинений Ленина в закавыченном слове «восток» присутствует определенная географическая условность, то в книге, прямо посвященной Персии, редакция уже вполне определенным образом относит Россию к Востоку, выступающему в данном случае как понятие историко-культурное [18, с. 3].

² Вера Тольц продемонстрировала опосредованное заимствование Э. Саидом ряда положений советской критики европейского востоковедения [27, с. 155—178].

жав-победительниц (таких как Великобритания и Франция) эти соображения могли выглядеть небезосновательными.

Однако насколько полным был разрыв формирующегося советского дискурса с предшествующей идеологической традицией? Действительно ли те радикальные заявления, что вошли уже в первые официальные документы большевиков, заявления, в которых говорилось о выстраивании отношений между советским государством и странами Востока на принципах равенства, взаимоуважения и справедливости, обозначали полный разрыв с интеллектуальной традицией имперской эпохи? Те люди, что принимали непосредственное участие в формировании новых идеологем, были взращены еще при *Ancien Régime* и едва ли могли соблюдать столь тщательную интеллектуальную дисциплину, чтобы целиком и полностью отстраниться от общераспространенных в европейском обществе той поры представлений и стереотипов. В любом случае эти вопросы заслуживают внимательного рассмотрения.

Значительный интерес для анализа представляют разного рода публицистические работы, опубликованные преимущественно в начале 1920-х гг. и посвященные как ситуации в Азии в целом, так и в Персии в частности. Материалы, связанные с Ираном, видятся важными, поскольку тот рассматривался ранними большевиками в качестве существенного элемента их политики на Востоке, обладающего большим стратегическим значением. Так, одна из крупных внешнеполитических акций большевиков в регионе в эти годы также связана с Ираном — речь идет об Энзелийской операции и создании Персидской советской республики [1, гл. 2.2; 4, с. 85 и далее; 12, с. 165—184; 23, с. 346—350]. Неудивительно, что в этот период появляется большое количество публикаций, затрагивающих ситуацию в Иране. Среди них можно назвать как отдельные издания, так и статьи, материалы, вышедшие в периодике. Прежде всего стоит отметить журнал «Новый Восток», издаваемый Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения под редакцией М. П. Павловича (М. Л. Вельтмана). В числе авторов известные советские публицисты, международники-востоковеды, теоретики и практики коммунистического революционного движения, в том числе в странах Востока. Многие из них были сотрудниками НКВД, принимали непосредственное участие в определении и реализации советской политики в Азии, в частности в Иране. Их анализ позволит лучше понять специфику раннесоветского дискурса, касающегося стран Востока, политики большевиков на этом направлении, увидеть, в какой степени их идейные построения были генетически связаны с имперской интеллектуальной традицией.

Естественным образом для всех рассматриваемых работ характерен отчетливо выраженный революционный и антиимпериалистический пафос. Учитывая квазирелигиозные свойства марксизма как идеологии [7], а также масштабные революционные события в России — одной из крупнейших держав эпохи, эти хилиастические ожидания едва ли удивительны. «Пробуждение Азии», о котором говорилось еще существенно раньше, отныне связывалось не только с национально-освободительным движением в странах региона, модернизацией в различных областях жизни их обществ, но прежде всего с революционным потенциалом соответствующих стран, классовой борьбой, борьбой с «эксплуататорами» как внутренними, так и внешними.

Как отмечалось в редакционном введении к изданию 1925 г. «Персия в борьбе за независимость», после окончания Первой мировой войны усилился натиск «мирового империализма» на все страны Востока «для окончательного превращения их в колонии или полуколонии западного капитала». Однако этому натиску противостоял теперь «революционный отпор пробудившихся народов Востока». Отмечалось при этом, что борьба Востока за свое освобождение является, возможно, «наиболее крупным фактом

послевоенной эпохи» [18, с. 3]. Одновременно, естественно, уделялось внимание классовой борьбе. Весьма любопытно в этом смысле, как характеризовались текущее состояние и перспективы различных социальных слоев после осуществления революционных преобразований. Так, уже применительно непосредственно к Персии указывалось на тяжелое положение крестьянства в этой стране, «бесчеловечные и жестокие формы эксплуатации», невыносимую жизнь сельских тружеников. В силу всех этих причин «крестьяне начали проникаться классовой ненавистью по отношению к своим эксплуататорам» [18, с. 15].

Однако же, что характерно, внутрисоциальные процессы в иранском обществе рассматриваются в более широком контексте международного положения Ирана Каджаров (что вполне естественно), в частности в контексте роли России и Британии в регионе. Роль последней вполне однозначна — она негативна. Что до первой, то здесь наблюдается очевидное различие России «царской» и «советской». «Царская Россия» в смысле влияния на персидскую жизнь характеризуется как хищная империалистическая держава, такая же, как Британия, даже хуже. Помимо прочих ее многочисленных «грехов», она пользуется «малосознательностью» персидского крестьянина, который вследствие своего «невежества и несчастного положения» легко становится «игрушкой в руках реакции». Упоминается, что «царские агенты возбуждали ненависть крестьян против их эксплуататоров» и одновременно «расхваливали светлые стороны русского режима». Все это приводило к тому, что многие крестьяне Северной Персии, по многим свидетельствам, ожидали присоединения этих земель к Российской империи. Однако иранская революция «нанесла сильный удар планам царских агентов в Персии и парализовала их интриги» [18, с. 15]. Но что же с иранским крестьянством? Как сможет оно добиться освобождения от ига? М. П. Павлович дает следующий ответ на этот вопрос: «И теперь несчастный персидский крестьянин, стонущий под игом мульткадаров, под гнетом этих феодальных сеньоров, должен ждать своего спасения уже не от реакционных элементов России. В союзе с рабоче-крестьянскими массами России персидский земледелец завоюет себе лучшее будущее» [18, с. 15]. Налицо противопоставление «царской» России советскому государству, «государству рабочих и крестьян». Стоит, однако, обратить внимание на то, что, несмотря на это противопоставление, Павлович отнюдь не говорит о полном самоустранении Советов от иранских дел. Напротив, акцент делается на том, что иранские крестьяне смогут добиться лучшей жизни именно в союзе с российскими «рабоче-крестьянскими массами».

Внимание уделяется и иным социальным группам иранского общества. Конечно, крестьяне в приоритете, поскольку, как с сожалением отмечает автор, в Персии «нет фабрично-заводского пролетариата». Зато крестьянство — многочисленное, «стонущее под бременем», и вообще в стране есть предпосылки для «крестьянской революции». Кроме того, имеется еще один слой, стоящий «накануне полной пауперизации и обнищания» — класс мелких и средних торговцев, из рядов которого «вышли тысячи бойцов, сражавшихся за свержение шахского ига». Изменившиеся условия — экономические пертурбации в Европе, нарушение транспортных цепочек и социальная революция в России — отразились на товарообмене Персии, на котором было основано благосостояние торгового класса страны. «Его спасение только в социальной революции, которая даст возможность этому классу заняться производительным трудом» [18, с. 18—19]. Итак, с этой точки зрения очевидно, что в Иране созрели предпосылки для революционных преобразований, налицо мощные социальные силы, способные их произвести.

При этом из многих текстов видно, что Советской России принадлежит в грядущих важных социальных процессах и преобразованиях в Персии отнюдь не пассивная роль.

Стоит обратить внимание на следующее. Прежде всего это характеристики, которые даются Государству Каджаров рубежа XIX—XX вв. в соответствующей литературе. Итак, это «типичное азиатское государство» со всеми присущими ему качествами: «неограниченное самодержавие шаха», его «деспотизм», «произвол и самоуправство его клевретов, сатрапов», «полное раболепие миллионов его подданных», «благоговейное отношение народных масс к шаху», «экономическая отсталость» *etc, etc* [18, с. 20—21]. Одним словом, перед нами пример типичного ориенталистского описания, ничем не отличающегося от соответствующих описаний российских авторов имперской эпохи.

Впрочем, в этом азиатском государстве исподволь зрели глубинные социальные перемены, вызванные разрушением старого натурального хозяйства с его патриархальными отношениями, проникновением европейского капитала, становлением товарного хозяйства и новых форм экономической жизни. «Начинался процесс пробуждения сонного царства от вековой дремоты и рождения новой жизни» [18, с. 21]. И эта новая жизнь была напрямую связана с модернизационными процессами и с развивавшимся в стране революционным движением.

Как и в текстах предшествующей поры, раннесоветские авторы подчеркивали связь процессов модернизации в Иране с проникновением России, Британии, а позже и Германии в регион. Развитие транспортной инфраструктуры, шоссейных дорог, системы телеграфных линий, отделений банков, развитие международной торговли — в общем, «под влиянием России и Англии старое натуральное хозяйство в стране исчезает» [18, с. 23]. Конечно, не следует переоценивать имплицитно присутствующую в обозначенных процессах позитивную оценку русского и британского вмешательства во внутреннюю жизнь Персии. Разумеется, в целом их роль оценивается негативно, как держав эксплуататорских и империалистических. Однако на первом этапе вовлечение (пусть во многом и насильственное) Ирана в систему торгово-экономических и политических отношений европейских держав становится важным фактором, ускорившим модернизационные процессы в этой стране, а это, в свою очередь, содействовало развитию революционного движения. Более того, иностранное влияние, «внешнее англо-русское иго», вкупе с внутренним гнетом, деспотизмом шаха и т.д. становятся в глазах новых торгово-промышленных слоев персидского общества главными препятствиями к европеизации страны, «превращению ее в сильное и свободное государство» [18, с. 28]. Соответственно эти «передовые представители» социума оказываются базой революционного движения.

В текстах подчеркивается прямая связь этого последнего с его российским аналогом: «Великому политическому и социальному движению, происходившему в недрах народных масс мусульманского Востока, мощно содействовало ни на минуту не прекращавшееся революционное движение в соседней царской России». И далее: «В Персию шли не только русские товары, русские чиновники, русские казаки, но и идеи русского революционного движения. Великая русская революция 1905 г. имела на Персию такое же громадное влияние, как на Турцию и Китай» [18, с. 21—22]. В свою очередь, например, обращается внимание на то, что именно будучи в эмиграции, живя на Кавказе, лидер революционного движения в Иранском Азербайджане в 1920 г. шейх Мохаммад Хиабани «имел возможность близко ознакомиться с тамошними революционными идеями и течениями, и именно там, вероятно, его взгляды впервые оформились и приняли определенно революционный уклон» [3, с. 249]. Когда же в Табризе вспыхнуло восстание под его руководством против тегеранского правительства и подписанного с Британией соглашения, «общая ориентация была на Советскую Россию, от которой ожидали освобождения Персии. Большевизм стал пугалом властей» [26, с. 269]. Итак, близость к России в

подобном изложении содействовала модернизации Ирана во всех смыслах, в том числе и в отношении возникновения базы для социальной революции.

Возможно, наиболее яркое выражение этой идеи находим у Павловича: «Соседство с Россией, этим неистощимым резервуаром революционной энергии, сыграет первенствующую роль в ускорении революционного процесса в Персии». Более того, из этого делается вывод глобального характера: «Торжество же революционных начал в бывшей империи шаха могущественно отразится на положении дел на Востоке и поведет к крушению мирового империализма, черпающего свои главные ресурсы в эксплуатации Востока» [18, с. 19]. О том же говорят и другие авторы: «Роль Персии в освободительном движении на Востоке может быть весьма крупной. По географическому положению, вековым связям и военным возможностям она — ключ к Индии, Месопотамии и Курдистану» [26, с. 270].

При этом сами авторы соответствующих работ критически относились к концепту «цивилизаторской миссии», полагая его частью лицемерной идеологии «империалистических» держав, внутреннюю подоплеку которой следует разоблачать. Павлович говорит о том, что когда применительно к различным историческим событиям и явлениям, таким как экспедиции европейцев в Азию или Африку, сооружение грандиозных железнодорожных путей и каналов, кровавые конфликты, в которых друг против друга встают миллионы людей, звучат фразы «об идеалах, о вечном стремлении к недостижимому солнцу, о борьбе за высшую культуру, цивилизацию, национальную свободу, независимость, о священной войне с дерзкими насильниками и т.д.», следует вскрывать «реальную сущность этих легенд» [17, с. IV; 16, с. 47—51]. В работах критикуются ориенталистские представления об иранцах, якобы свойственные «большинству европейцев», такие как «духовное и физическое вырождение», «неспособность к государственной и экономической работе» [26, с. 269]. Отмечается, что это может быть признано верным лишь применительно к небольшим группам, командующим классам, верхам общества, «нигде господствующий класс так не развращен, как в Персии» [25, с. 32]. Напротив, подчеркиваются присущие персидскому народу «большие способности как в государственной, так и культурной и хозяйственной работе», «трудолюбие крестьян и ремесленников», «боевые качества племен» [26, с. 269]. Однако же одновременно утверждается и следующее: «Но в силу массы исторических причин в данную эпоху народные массы Персии нуждаются в дружеском и умелом содействии, без которого теперь они не в состоянии освободиться от гнета империалистов, опутывающих их тысячью сетей — в силу преимуществ их техники, знаний и навыков в работе» [26, с. 269].

Важно отметить, что, несмотря на стремление отмежеваться от предшествующей российской традиции, эти тезисы не новы. Например, стоит сравнить с тем, что писал чиновник Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) А. М. Сахаров: «Персы вообще даровитый народ с подвижной, легко воспринимающей психикой; в противоположность хотя бы туркестанским сартам они способны быстро усвоить начала и дух европейской цивилизации. Но до сих пор их общекультурный и экономический прогресс задерживался двумя непреодолимыми для них самими препятствиями: внутренней анархией и религиозным фанатизмом. Укрепление позиции России на севере Ирана, несомненно, внесет спокойствие во все прилегающие местности. А непосредственно близкое знакомство с русскими постепенно сгладит религиозную нетерпимость и бытовую замкнутость широких слоев населения. Мало-по-малу привьются европейские приемы сельского хозяйства и других видов труда, изменятся жилищные условия, явится потребность в научно поставленной медицинской помощи, распространится знание русского

языка и сыновья зажиточных классов поедут учиться в русские учебные заведения (что порою наблюдается уже и теперь)» [22, с. 61].

Или же иной мотив, также унаследованный от эпохи Российской империи: тезис о значительных богатствах страны, которые, однако, не используются должным образом. В уже цитированной выше работе находим следующий тезис: «Для возможно быстрого укрепления хозяйственной и культурной жизни Персия нуждается в организации ее хозяйственных и культурных ресурсов, в настоящее время неиспользованных, расплывенных, нетронутых или неумело эксплуатируемых. Персидская промышленность и земледелие одинаково находятся в полном упадке, только ничтожная часть естественных богатств разрабатывается теперь, и немногочисленное сравнительно с пространством и средствами страны население находится в жалком положении как в экономическом, так и в культурном смысле» [26, с. 270]. При этом подчеркивается, что РСФСР и автономные Советские Республики «не могут не интересоваться положением персидского народа и возможностью культурного и хозяйственного сотрудничества с Персией». Далее предлагаются конкретные меры на хозяйственном и культурном направлениях [26, с. 270—271].

Для сравнения: вот цитата из отчета о поездке в 1916 г. в прикаспийские провинции Ирана начальника Переселенческого управления Г. Ф. Чиркина: «Воды Гюргена и других рек не использованы совершенно. Большие пространства плодороднейшей в мире земли, не нуждающейся в искусственном орошении, еще остаются не возделанными. Обширные лесные пространства с ценными породами деревьев вовсе не эксплуатируются, а не менее обширные пастбища слишком велики для скота немногочисленного населения. Степные травы немилосердно выжигаются для свободного передвижения немногих козачников через степь. При съемке урожая срезываются и собираются только колосья, солома же оставляется в поле и сжигается. В горах открыты минеральные залежи — медь, нефть, каменный уголь, до которых не дотрагивалась еще человеческая рука» [28, с. 7—8]. А вот его же резюме в этой связи: «Эта редко населенная область, являющая собою драгоценный материал для культуры и производительного использования ценнейших богатств, непосредственно сливающаяся с нашей государственной границей, ждет, естественно, русских начинаний для созидательного накопления наших национальных богатств» [28, с. 4]. И хотя в работе советского автора акцент делается на «дружественных отношениях», «хозяйственном и культурном сотрудничестве» с персидским народом, а у имперского чиновника речь идет о «созидательном накоплении национальных богатств» (отличие, вне всякого сомнения, весьма важное), все же нельзя не отметить некие общие посылки в этих построениях. Отчетливо прослеживается мысль, что задача Советского государства и его народа — «помочь» иранскому соседу как в осуществлении революционных преобразований, так и в хозяйственно-экономическом освоении страны. Примеров рассуждений такого рода можно привести множество.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно ли говорить об отказе от самого принципа осуществления «цивилизаторской миссии» в рамках нового большевистского дискурса? Представляется, что ответ должен быть отрицательным. Несмотря на радикально сменившуюся риторику, ключевые элементы этой идеи остались в целостности. Прежде всего это мысль об иерархии, о неравном положении социумов на некоей воображаемой шкале «развития/развитости». Так ли важно то, что раньше разделение происходило по линии «европейцы — азиаты», а теперь (хотя и прежде не ушло в полной мере) его осмысление и описание осуществлялось в рамках марксистской терминологии, в таких категориях как общества «развитые — неразвитые, отсталые», слои/силы «прогрессивные — реакционные» и т.п.? И равным образом в рамках нового дискурса сохранялось представление о важной (или даже направляющей) роли России в персидских делах. Что

с того, что в имперском дискурсе она выступала как носительница европейской цивилизации и культуры, а в советском — в качестве источника и проводника «передовых» революционных идей?

Конечно, на все это можно возразить (и справедливо), что содержательно новая идеология разительно отличалась от предшествующей, что политика, осуществляемая большевиками в первые годы после захвата власти в отношении азиатских стран и народов, в том числе в Персии, по своим смыслам и целям едва ли может быть отождествлена с политикой Российской империи. Однако если отойти от внутренней логики раннесоветского дискурса и обратить взгляд вовне, можно обнаружить, что для многих иранцев ситуация была вполне ясна: в новой политике Москвы они усматривали вливание нового вина в старые мехи. Причем об этом было хорошо известно проводникам новой, советской, идейной линии. В обзоре иранской прессы за период конца 1921 — начала 1922 г., опубликованном в журнале «Новый Восток», уделяется внимание различным вопросам, интересовавшим персидское общество. Специальное внимание уделяется и так называемому рабочему вопросу [19].

Интересна позиция официального органа — газеты «Иран». В цикле статей под заголовком «То нация, то рабочие» издание подвергает критике и высмеивает рабочее движение и его идеологию. Основной пафос публикаций сводится к тому, что модные и широко распространившиеся в стране политические идеи — ранее это были «национализм», «конституция», теперь же — «социализм», «рабочие», «трудящиеся», «пролетариат» — есть лишь инструменты в руках иностранных держав, предназначенные для порабощения и эксплуатации Ирана и его народа, используемые по ситуации, в зависимости от текущей политической конъюнктуры. «Вчера болтали у нас о “нации”, о “народе”, теперь заговорили о “рабочем”... Завтра, вероятно, придумают еще что-нибудь...» [19, с. 349]. Отмечается, что конституция является иностранным заимствованием, не принесшим благосостояния народу.

Весьма показательна риторика. Переходя от реалий конституционной революции к делам сегодняшним, автор материала отмечает: «Это было несколько лет тому назад, а теперь у нас торгуют новым товаром, преподносимым под именем “пролетариат”, “социализм”, “трудящиеся”. Все это замаскированный большевизм... Прозорливые, образованные, хитрые европейские народы... соперничают и борются друг с другом из-за права владеть миром и эксплуатировать слабые отсталые нации... А мы лезем на бросаемые ими приманки, тешим себя соблазнительными словами, бичуем друг друга и, надрываясь, спорим по самым бесплодным вопросам...» [19, с. 349—350]. Всячески подчеркивается зависимость и вторичность политических идей и движений в Иране, то, что в рамках постколониального дискурса было бы названо «колониальным менталитетом», «колониальным мышлением»: «Но у нас нет твердой воли, нет характера, поэтому играют нами, как хотят... вчера мы были “народниками”, “националистами”, теперь мы стали “сторонниками пролетариата”... Слова “пролетариат”, “рабочий” для нас совершенно новые, мы получили их в качестве подарка из России... Теперь “рабочий вождь” это так же модно, как прежде “националист”. Раньше мы играли судьбою народа, обманывая его словом “нация”, теперь мы выезжаем на нем на словах “рабочий”, “пролетариат”. Когда же мы, наконец, опомнимся? Когда же мы выйдем из этого заколдованного круга?» [19, с. 350].

Наконец, совершенно отчетливо видно, что для газеты «Иран» перемена режима в России вовсе не означала изменения фундаментальных основ политики северного соседа. «Подобно тому как 16 лет тому назад Англия, соперничая с Россией, выдумала в Персии конституцию, точно так же теперь ее соперница затеяла игру, но на новый лад. И пешками в этой игре являются те же персы, которые, не обладая никакими познаниями,

стремятся создать у нас большевистский строй...» [19, с. 350]. И как кульминация этих рассуждений: «“Народники” наши недавно были конституционалистами, теперь они стали уже большевиками и вождями рабочих... Они не смеют открыто говорить, чего они хотят, но в то же время каждый из них мечтает быть Лениным или Троцким... И ради чего... ради того, чтобы Россия за счет разорения Персии могла одолеть свою соперницу Англию и получила бы возможность двинуть свои силы в Индию...». Наконец, автор высказывает опасение, что борющиеся страны могут вновь договориться, восстановить соглашение 1907 г. и опять разделить Персию пополам [19, с. 351].

Итак, из вышеизложенного ясно, что для автора этих материалов советское государство является продолжателем политики имперской России, только лишь сменившим идеологический фасад для более эффективной работы по реализации своих геополитических целей в регионе в новых условиях. Конечно, подобная позиция была не единственной, и в том же обзоре прессы приводятся яркие полемические ответы газет левой направленности, однако нужно сказать, что подобный взгляд — о сохранении преемственности политики в Иране советского государства по отношению к Российской империи распространился в иранской (как и в англоязычной) литературе и сохраняется вплоть до настоящего времени [20, с. 220; 31, р. 139—140].

Не поднимая здесь вопроса о справедливости этого взгляда, отметим, что вышеприведенные рассуждения об особой роли революционного потенциала России для становления и развития революционного движения в Персии, о помощи, которую Советы могли бы оказать иранскому народу на его пути к прогрессу и процветанию и проч., как представляется, вполне позволяют провести некоторые параллели с более ранними идеями «цивилизаторской миссии» России. Так или иначе, оба государственных проекта — Российская империя и Советское государство — были порождены идеями эпохи Просвещения, пусть и получили в реальности радикально различное наполнение. И хотя содержательно идейно-политические комплексы двух государств имели между собой мало общего, структурно они были устроены в чем-то схожим образом: в их основе лежало представление об иерархической системе государств и обществ, будь то «цивилизованные — нецивилизованные» либо же «передовые — отсталые». И это хорошо ощущалось внутри тех обществ, которые предстояло вести по пути прогресса.

Заключение

Вышеизложенное демонстрирует, что, хотя советская власть и заявила радикальный разрыв с предшествующей политикой России в области национального вопроса, равно как и в смысле отношений со странами так называемого Востока (который нашел свое практическое отражение в политической практике), на дискурсивном уровне сохранялась определенная интеллектуальная преемственность с предшествующими российскими работами и с европейской ориенталистской традицией в целом. Это было неизбежно уже в силу того, что создатели и проводники нового, большевистского, дискурса сами естественным образом были ее носителями. Рассмотренные раннесоветские тексты, посвященные Ирану и иранцам, демонстрируют, что, несмотря на кардинально изменившуюся риторику, в них можно увидеть (пусть и в совершенно ином, преломленном, виде) ряд базовых ориенталистских идей, связанных с представлением о неравенстве различных обществ, государств, о существующей между ними иерархии. Так, отголоски старой идеи «цивилизаторской миссии» европейских народов проявляются в постулировании необходимости участия советского государства в модернизации Ирана, развитии его революционного движения, борьбе иранского народа против «империалистов» и «эксплуататоров».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00482 «Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX — начале XXI в.».

Список использованных источников и литературы

1. Алиев С. М. История Ирана. XX в. М. : Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 648 с.
2. Вестник Наркомата иностранных дел. 1919. № 2, 13 авг.
3. Вишнеградова А. Революционное движение в Персидском Азербайджане // Новый Восток. М., 1922. Кн. 2. С. 249—253.
4. Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М. : Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1994. 355 с.
5. Декларация прав народов России. 2 (15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. С. 39—41.
6. Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. С. 12—16.
7. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб. : Владимир Даль, 2021. 400 с.
8. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 970—975.
9. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 25. Март — июль 1914. С. 255—320.
10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. 664 с.
11. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.
12. Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914—1920). М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 228 с.
13. Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». 20 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. С. 113—115.
14. Ориентализм/Оксидентализм: языки культур и языки их описания : сб. статей / сост. Е. С. Штейнер. М. : Совпадение, 2012. 416 с.
15. Ориентализм vs. ориенталистика : сб. статей / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. М. : ООО «Садра», 2016. 490 с.
16. Павлович-Волонтер М. П. (Вельтман М.). Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал (Советская Россия, Азербайджан, Грузия, Армения, Турция). М. : Тип. III Коммун. интернационала, 1920. 71 с.
17. Павлович М. Азия и ее роль в мировой войне. Петербург : Тип. газ. «Новая жизнь», 1918. VIII, 72 с.
18. Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость : [сб. статей]. М. : Науч. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 184 с.
19. Персидская пресса // Новый Восток. М., 1922. Кн. 1. С. 345—353.
20. Риза Шабани. Краткая история Ирана. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2008. 386 с.
21. Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет / П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер (сост.). М. : Новое издательство, 2005. 696 с.
22. Сахаров А. М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград : Тип. Содружество, 1915. 75 с.
23. Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924: от интервенции к признанию. СПб. : Наука, 2019. 832 с.
24. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М. : Восточная литература, 2000. 210, [4] с.
25. Султан-Заде А. Персия. М. : Гос. изд-во, 1925. 92 с.
26. Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии // Новый Восток. М., 1922. Кн. 2. С. 254—271.
27. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период : пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
28. Чиркин Г. Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград : Екатерининская тип., 1916. 48 с.

29. Andreeva E. *Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism*. New York : Routledge, 2007. 288 p. (Routledge Studies in Middle Eastern History).
30. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917) : сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. И. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
31. Ramazani R. K. *The foreign policy of Iran: a developing nation in world affairs, 1500—1941*. University Press of Virginia, 1966. 330 p.
32. Said E. W. *Orientalism*. New York : Pantheon Books, 1978. 368 p.
33. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven and London, 2010. 312 p.
34. *Orientalism and Empire in Russia* / ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington : Indiana University Press, 2006. 364 p.

Поступила в редакцию 29.08.2022

Ларин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт всеобщей истории Российской академии наук
Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
E-mail: ab-larin@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4932-3997

UDC 94(47)

A. B. Larin

“In alliance with the Workers and Peasants of Russia, the Persian farmer will conquer a better future for himself”: the reception of the ideas of the Russian civilizing mission in Persia in early Soviet political writings

The article is devoted to the formation of the early Soviet discourse in relation to the countries of the East and the policy of the Bolsheviks in the region, primarily in Iran. The main material for the analysis was the journalistic writings of Soviet authors, one way or another affecting the problem. It is shown that, despite the postulated break with the previous intellectual tradition, the radically different political practice of the Bolsheviks in building bilateral relations with Persia, the new proposed discourses were not free from the influence of earlier ideas. Thus, in the political concepts formulated by the Bolsheviks, in a refracted form, one can see the influence of the former Orientalist constructions based on the idea of a hierarchy of peoples and states, their inequality.

Key words: Iran, Russian Empire, modernization, orientalism, civilizing mission, the Soviet Union, the Bolsheviks.

Larin Andrey Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 119334, Moscow, Leninsky pr-t 32a
E-mail: ab-larin@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4932-3997

References

1. Aliev S. M. *Istoriya Irana. XX v.* [History of Iran. 20th century]. Moscow, In-t vostokovedeniya RAN ; Kraft+ Publ., 2004. 648 p. (In Russian)
2. *Vestnik Narkomata inostrannykh del* [Bulletin of the People's Commissariat of Foreign Affairs]. 1919, no. 2, Aug. 13. (In Russian)
3. Vishnegradova A. *Revolutsionnoe dvizhenie v Persidskom Azerbaidzhane* [Revolutionary Movement in Persian Azerbaijan]. *Novyi Vostok* [New East]. Moscow, 1922, book 2, pp. 249—253. (In Russian)
4. Gods M. *Reza. Iran v XX veke. Politicheskaya istoriya* [Reza. Iran in the 20th century. Political history]. Moscow, Nauka. Izdat. firma “Vostochnaya literatura” Publ., 1994. 355 p. (In Russian)

5. Deklaratsiya prav narodov Rossii. 2 (15) noyabrya 1917 g. [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia. November 2 (15), 1917]. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of Soviet Power]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1957, vol. 1, pp. 39—41. (In Russian)
6. Dekret II Vserossiiskogo s'ezda Sovetov o mire. 26 oktyabrya (8 noyabrya) 1917 g. [Decree of the II All-Russia Congress of Soviets on Peace. October 26 (November 8), 1917]. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of Soviet Power]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1957, vol. 1, pp. 12—16. (In Russian)
7. Dzhenile E. *Politicheskie religii. Mezhdru demokratiei i totalitarizmom* [Political religions. Between democracy and totalitarianism]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021. 400 p. (In Russian)
8. Dogovor mezhdru Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoj Respublikoi i Persiei [Treaty between the Russian Socialist Federative Soviet Republic and Persia]. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva za 1921 g.* [Collection of legalizations and government orders for 1921]. Moscow, 1944, pp. 970—975. (In Russian)
9. Lenin V. I. O prave natsii na samoopredelenie [On the right of nations to self-determination]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. 5-e izd.* [Lenin V. I. Complete works. In 55 vols. 5th ed.]. Moscow, 1969, vol. 25. March — July, 1914, pp. 255—320. (In Russian)
10. Martin T. *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923—1939* [Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923—1939]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2011. 664 p. (In Russian)
11. Miller A. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: An essay on the methodology of historical research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 240 p. (In Russian)
12. Miroshnikov L. I. *Angliiskaya ekspansiya v Irane (1914—1920)* [British expansion in Iran (1914—1920)]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1961. 228 p. (In Russian)
13. Obrashchenie "Ko vsem trudyashchimsya musul'manam Rossii i Vostoka". 20 noyabrya 1917 g. [Appeal "To all working Muslims of Russia and the East". November 20, 1917]. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of Soviet Power]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1957, vol. 1, pp. 113—115. (In Russian)
14. *Orientalizm/Oksidentalizm: yazyki kul'tur i yazyki ikh opisaniya: sbornik statei* [Orientalism/Occidentalism: languages of cultures and languages of their description. Collect. of articles]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2012. 416 p. (In Russian)
15. *Orientalizm vs. orientalistika: sbornik statei* [Orientalism vs. oriental studies. Collect. of articles]. Moscow, OOO "Sadra" Publ., 2016. 490 p. (In Russian)
16. Pavlovich-Volonter M. P. (Vel'tman M.). *Voprosy kolonial'noi i natsional'noi politiki i III Internatsional (Sovetskaya Rossiya, Azerbaidzhan, Gruzija, Armeniya, Turtsiya)* [Questions of colonial and national policy and the III International (Soviet Russia, Azerbaijan, Georgia, Armenia, Turkey)]. Moscow, Tip. III Kommun. Internatsionala Publ., 1920. 71 p. (In Russian)
17. Pavlovich M. *Aziya i ee rol' v mirovoi voine* [Asia and its role in the World War]. Petersburg, Tip. gaz. "Novaya zhizn" Publ., 1918. VIII, 72 p. (In Russian)
18. Pavlovich M., Iranskii S. *Persiya v bor'be za nezavisimost': (sb. statei)* [Persia in the struggle for independence. (Collect. of articles)]. Moscow, Nauch. assotsiatsiya vostoovedeniya pri TsIK SSSR Publ., 1925. 184 p. (In Russian)
19. *Persidskaya pressa* [Persian press]. *Novyi Vostok* [New East]. Moscow, 1922, book 1, pp. 345—353. (In Russian)
20. Riza Shábani. *Kratkaya istoriya Irana* [Riza Shábani. Brief history of Iran]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2008. 386 p. (In Russian)
21. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: Raboty poslednikh let* [The Russian Empire in foreign historiography: Works of recent years]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 696 p. (In Russian)
22. Sakharov A. M. *Russkaya kolonizatsiya Astrabadskoi provintsii v Persii* [Russian colonization of the Astrabad province in Persia]. Petrograd, Tip. Sodruzhestvo Publ., 1915. 75 p. (In Russian)
23. Sergeev E. Yu. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918—1924: ot interventsii k priznaniyu* [Bolsheviks and British. Soviet-British relations, 1918—1924: from intervention to recognition]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019. 832 p. (In Russian)
24. Sopenkov S. V. *Doroga v Arzrum: rossiiskaya obshchestvennaya mysl' o Vostoke (pervaya polovina XIX veka)* [The road to Arzrum: Russian public thought about the East (the first half of the 19th century)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 210, [4] p. (In Russian)
25. Sultan-Zade A. *Persiya* [Persia]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1925. 92 p. (In Russian)
26. Timofeev A. *Imperialisticheskoe "mirnoe" zavoevanie Persii* [Imperialist "peaceful" conquest of Persia]. *Novyi Vostok* [New East]. Moscow, 1922, book 2, pp. 254—271. (In Russian)

27. Tol'ts V. *"Sobstvennyi Vostok Rossii": Politika identichnosti i vostokovedenie v pozneimperskii i rannesovetskii period: per. s angl.* ["Russia's Own East": Identity politics and oriental studies in the late imperial and early soviet periods. Transl. from English]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 332 p. (In Russian)
28. Chirkin G. F. *Otchetnaya zapiska o poezdke vesnoi 1916 g. v Astrabadskuyu i Mazanderanskuyu provintsii Severnoi Persii* [Reporting note on a trip in the spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan provinces of Northern Persia]. Petrograd, Ekaterininskaya tip. Publ., 1916. 48 p. (In Russian)
29. Andreeva E. *Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism*. New York, Routledge Publ., 2007. 288 p. (Routledge Studies in Middle Eastern History).
30. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700—1917): sbornik statei* [Imperium inter pares: the role of transfers in the history of the Russian Empire (1700—1917). Collect. of articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 392 p. (In Russian)
31. Ramazani R. K. *The foreign policy of Iran: a developing nation in world affairs, 1500—1941*. University Press of Virginia, 1966. 330 p.
32. Said E. W. *Orientalism*. New York, Pantheon Books Publ., 1978. 368 p.
33. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven and London, 2010. 312 p.
34. *Orientalism and Empire in Russia*. Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington, Indiana University Press, 2006. 364 p.